

Северное сияние

Автор:

Виктория Мальцева

Северное сияние

Виктория Мальцева

Кто я ему? Воспоминание. Кто ему Ким? Ребёнок, которого он видит раз в год на Рождество. Ребёнок, которого он всеми силами старается любить, хотя не обязан. А когда родился свой, его фото с новорожденным на руках задали ещё большее ускорение его карьере.

Сейчас единственное, чего хочется, что жизненно необходимо – сбежать и спрятаться. Но я даю себе время и приказ взять себя в руки. Я приехала сюда не для того, чтобы сдать в первые же секунды. Если есть хоть маленький шанс, я им воспользуюсь. Мне нужен один-единственный крохотный шанс.

Последняя (4) книга в серии "Не стирайте поцелуи".

Виктория Мальцева

Северное сияние

Глава 1. Через год

Vog Beats – Take It Easy

Сейчас я работаю в золотодобывающей компании. Это целый концерн: разработка сосредоточена в Восточной Европе, преимущественно в Сербии и Хорватии, а весь менеджмент, включая финансовый, здесь, в Ванкувере. Корпоративная атмосфера тут так себе, постоянно происходят пертурбации, никогда не знаешь, что тебя ждёт завтра: либо уволят, либо повысят. В прошлом месяце троих отправили по домам, одного повысили. Но мне это безразлично: во-первых, давно пора уже браться за собственное дело, а во-вторых, совсем скоро я не смогу работать.

Настя – моя подчинённая. Соображает она хорошо, но у неё нет лицензии, в отличие от меня, поэтому я командую, а она выполняет. Однако, невзирая на должностную иерархию, общаемся мы на равных. Настя очень любит рассказывать о себе, России и русских традициях, а я люблю слушать. Настя замужем за парнем, в третьем поколении рождённом в Канаде. Джеймс хороший, но детство у него было вроде моего – в шестнадцать оказался сам по себе, правда на улице не жил, сообразил, как о себе позаботиться. Просто поумнее меня парень оказался.

– Очень хочу, очень! – говорит мне Настя. – Иногда плачу, чтобы он не видел, в ванной закрываюсь. Но как ни заведу разговор, всё одно и то же: «Из таких, как я, не выходят отцы. И я не уверен, что прокормлю вас».

– Почему? Ты же говорила, он хорошо зарабатывает.

– Да, зарабатывает. Но с детьми расходы будут больше. Я готова в чём-то себе отказать, но не Джеймс.

– Ну... – вздыхаю, – я знаю одно: парни терпеть не могут секс в презервативе. Прямо конец света. А это, некоторым образом, сосредоточивает всю власть в принятии решений о воспроизводстве в наших женских руках.

Настя смотрит, вылупив на меня глаза, а я ей подмигиваю для пущего эффекта и проверяю электронную почту. На прошлой неделе сдала анализы и попросила результаты сообщить письмом, а не звонить.

На почте пусто, а до окончания ланча осталось ещё полчаса. И я, конечно, заглядываю в Инстаграм. У Лео теперь ещё один паблик – на этот раз профессиональной модели. Вчера у него были очередные съёмки, наверняка уже

получил фотографии и опубликовал в своём профиле.

Открываю – так и есть. Похоже, опять рекламирует трусы. На нём надеты только боксеры и белая кофта, само собой расстёгнутая, поэтому большая часть груди видна. На самом деле, у него нет таких секси-кубиков на животе. Они есть, но не такие очевидные, и я всегда его дразню, что их наверняка ему какими-нибудь тенями подрисовывают, чтобы вкуснее смотрелся в кадре.

Хотя, куда уж вкуснее. Он сидит в полусогнутой позе, водрузив локоть одной руки на колени и смотрит в объектив. Волосы ему уложили в таком беспорядке, в каком они в реальной жизни бывают у него только по утрам, когда он полусонный и растрёпанный нависает надо мной и лезет рукой под майку. В майке и трусах мне можно спать, в пижаме нет.

– Боже, какой красавчик! А смотрит как! Прямо мурашки! – заглядывает в мой телефон Настя.

Самые красивые, самые чувственные, самые проникновенные фотографии получаются у него, когда болит спина. Сам сказал.

Публикация сделана всего час назад, а в комментариях уже сплошные сердечки. Дамы плещут восторгами. Я улыбаюсь и верю с трудом, что сегодня утром парень со снимка стонал мне в ухо, целовал, и снова говорил, что любит. Он всегда мне это говорит, когда находится на пике эмоций. Любых.

– Надо же..., – улыбается Настя. – Представляешь, а ведь кто-то с ним спит!

Olafur Arnalds, Bonobo – Loom

Вся кухня залита светом заходящего солнца – самое красивое и самое умиротворяющее время в сутках. «Наша сосна» сейчас нарисована реальностью на подложке из апельсиновых лучей, таких же ярких, как человеческая жизнь.

Лео стоит ко мне лицом, к своему любимому окну спиной, и нарезает на кухонном островке овощи соломкой для роллов. Он даже не успевает поднять голову и посмотреть мне в глаза, а я уже знаю – что-то случилось. Нет, у него не опущены плечи, не уронена голова, не трясутся руки, он не лежит – он готовит,

но я знаю: что-то не так.

- Что случилось, Лео?

Он поднимает глаза, и в то же мгновение я знаю, что это.

- Из клиники звонили. Вернулись результаты твоих анализов. Ты беременна?

- Фух... - выдыхаю. - Да.

- Но мы ведь не обсуждали это, так? Мы не говорили об этом.

- Мы говорили. Ты сказал тогда, что тоже хотел бы.

- Лея... Лея! Лея, всё это было слишком давно! До того, как изменилось!

- Ты передумал?

Я знаю, дело не в этом, но мне нужно выиграть время, переключить его внимание на чувство вины и придумать что-нибудь.

- Это нечестно.

Он поджимает губы и переводит взгляд на свои руки - я перегнула палку. Сделала ему больно... вернее, ещё больнее, из-за своих тупых манипуляций.

- Прости меня... Я знаю, что дело не в этом, прости, я знаю!

Подхожу к нему, но он не позволяет себя обнять.

- Зачем? Зачем? Зачем, Лея? Тебе плохо так, только со мной?

У него слишком красные глаза. Он вот так плачет, теперь я уже знаю, без слёз, только глаза краснеют. Но никогда настолько сильно, как сейчас.

– Мне просто очень хочется, Лео, стать матерью тоже, – признаюсь ему шёпотом.

– А что мне делать? – он старается проглотить ком с шипами в горле, но тот никак не идёт, застрял. – Что мне делать?

Лео не может одеть в слова свой страх, сказать вслух, что что-нибудь может пойти по плохому сценарию, и «в лучшем случае ребёнок останется, но возможно и такое, что ни ребёнок не выживет, ни мать».

– Ребёнок точно останется. У тебя будет ребёнок, Лео.

– А ты? Ты на моём месте согласилась бы на такой обмен?

Жить без него, но с его ребёнком? Мне не нравится этот вопрос. Это неправильный вопрос, нехороший.

– Я не хочу об этом думать, – говорю.

– Тебе можно не хотеть. А у меня нет выбора!

Я отворачиваюсь – надо перегруппировать мысли. Следовало заранее продумать этот разговор, подготовить все те ответы, которые ему нужно услышать, но у меня просто не было времени, он застал меня врасплох.

– Я люблю тебя! – словно из глубины души своей вынимает эти слова и бросает их мне под ноги.

JohnnyRain – HarvestonLake

Иногда мне кажется, будто бы я сижу на краю глубокой пропасти, спиной к ней, лицом к жизни, и медленно начинаю откидываться назад. И когда теряю равновесие, когда мгновение отделяет меня от падения, где-то между лопаток вдруг появляется ощущение тепла большой, сильной, уверенной ладони. Нельзя сказать, что её силы хватит на вечность, она живая, а потому тоже имеет свой срок, но сейчас, в этом отрезке моего времени, она титанически крепка и непоколебима. Я в безопасности до тех пор, пока ему не захочется вдруг её убрать.

Он не был таким заинтересованным в интимае «раньше». Никогда не желал его так часто и неистово. Сейчас же он словно не хочет терять времени, будто понял и знает, что оно конечно, и не хочет пропустить ни секунды. Поэтому каждое утро он будит меня, но и по вечерам наши руки и губы заняты ласками. У меня никогда не было столько любви, даже в том куске детства, где у меня была мама. Кроме меня у мамы были ещё муж и другая дочь, а у Лео – только я. Теперь только я. Пока только я.

На следующий день промывка мозгов начинается по новой:

– Люди с такой операцией, как у тебя, живут от пяти лет до двадцати.

Я знаю, что ему хотелось бы ещё добавить, но духу не хватает: «Кто знает, сколько тебе осталось?». И я говорю ему:

– Ну смотри. С этой печенью я проживу двадцать лет. И это не просто какая-нибудь там печень! Это твоя печень! Моего человека! А потом, у тебя же вот она отросла на место. Что, не поделишься снова?

В его глазах почти шок, но я точно знаю – это не от жадности.

– Ты издеваешься, да?!

– Ну, раз ты согласен поделиться со мной ещё раз, то смотри, у нас уже сорок лет набежало. Тебе мало, что ли?

– Я нашёл в Инстаграм один случай беременности после пересадки печени: девушка по имени Ольга из России, Санкт-Петербург. Написал ей сообщение. Но ответа нет, и знаешь почему?

– Почему?

– Потому что она три года не заходила в свой аккаунт!

Виснет пауза. Долгая, наполненная размышлениями, страхами, даже паникой, которые всё равно всегда возвращаются к надежде.

– Просто, она не оценила эту социальную сеть. Поищи её где-нибудь в другом месте.

– Уже искал.

– И что?

– Facebook – здесь её тоже не было более трёх лет. Занималась сетевым бизнесом, поэтому социальные сети для неё были необходимостью. Если всё у неё в порядке, она не могла их забросить.

– Даже если с ней произошло то, на что ты намекаешь, это вовсе не означает, что то же самое произойдёт со мной.

Coldplay – Champion Of The World

Потом звонит Кай. Я знаю, как сильно он занят, и как редко ему удаётся вырвать в графике свободную минуту, и что все их, до единой, он проводит в семье. Поэтому его просьба встретиться, сразу же приводит меня к пониманию, о чем пойдёт речь. Ну и, конечно, я знаю, кто его на меня натравил.

– А ты подумала о Лео? – говорит, как только ланч на моей тарелке подходит к концу. Нет, я знаю какая ты смелая, сильная, решительная – всего этого у тебя не отнять. Но ты подумала о нём?

– А он-то тут при чём? – спрашиваю.

– А при том, что, если вдруг понадобится, он же ляжет под нож, не задумываясь. А вот тебе не мешало бы подумать о том, что не все доноры выживают даже после первой операции. А после второй, когда ему будут кромсать печень во второй раз, его шансы выжить будут уже не так хороши, как в первый. Знаешь, вот я уверен, что ты выкарабкаешься, что всё пройдёт успешно, потому что, я тебе уже говорил это раньше, с тобой по-другому не может быть! Но он... слушай, тебе не приходило в голову, что это не его тебе дали, а тебя – ему. Он не такой, как ты, Лея. В нём нет столько силы, сколько есть у тебя. А если, не дай бог, вас обоих не станет? Ребёнок останется один.

– Его усыновишь ты, – заявляю ему. – Ты же любишь усыновлять. И жена твоя тоже любит. Я могу даже уговорить Лео назначить вас опекунами на такой случай.

Боже... я впервые вижу, чтобы Кай закрывал лицо ладонью. Кажется, я доконала даже его.

– Ты непробиваема, – констатирует.

Лучшая защита – нападение, это моё выверенное жизнью кредо.

– Слушай, как тебя жена терпит? Ты кого хочешь, с ума сведёшь!

Он только довольно скалится в ответ.

– А с женой я другой.

– Да, точно! Весь такой рассыпчатый на ощупь!

– Осторожный. С Викки нужно быть осторожным.

– А со мной?

– Всегда начеку и готовым надрать тебе задницу!

– Да иди ты! Я вообще никогда не рассматривала твою кандидатуру на роль моего папаши!

– Ну, роль второй половины, как ты знаешь, я давно играю в другом театре.

– Да я и не претендую!

– А я это знаю. Так вот, в Вашем театре, миссис, очень давно вакантна отеческая позиция...

– Иди к чёрту!

- ... но это не означает, что я буду тебя опекать, только присматривать!

- Да за тобой самим нужно присматривать! Дамы вон только и делают, что слюни пускают! Бедная твоя жена...

- Между прочим, я не такой красавчик, как твой Лео.

- Да, не такой. Это правда, Лео намного красивее тебя, - тут Кай болезненно кривится, - но у него нет этого сексуально-призывного шлейфа!

- Харизма это называется.

Я просто не могу не закатить глаза! Всё-таки этот парень самовлюблённый индюк, как я и предположила в самом начале.

- Слушай, Кай. Конечно, само собой и без всяких там разговоров я никогда не позволю Лео стать донором для моей потенциальной ретрансплантации. Я бы и в первый раз не позволила, если бы меня спросили. Но ты там как-то так всё обстряпал, что моего согласия не потребовалось!

- Ты подписала документы на пересадку ещё до моего появления, так что я тут ни при чём, - перебивает.

- А разве не должны они были ещё раз убедиться в моём решении? Ведь речь шла о пересадке только от умершего донора! Мне сказали, когда печень в таком состоянии, как моя, пересадка доли мне не поможет. А кромсать орган живого донора, кем бы он мне ни приходился, при таких низких моих шансах выжить - это нонсенс! Я знаю, кто там убеждал всех докторов и что им за это обещал!

Кай округляет глаза, но ничего не говорит. Ещё не придумал, что врать дальше.

- Когда я думаю о том, во сколько тебе обошлась моя жизнь, мне становится страшно, - признаюсь.

Он расправляет плечи, приводит свои глаза и выражение лица в норму, подносит стакан с лимонадом ко рту и, прежде чем сделать глоток, напоминает:

– Ключевое слово «жизнь».

Вечером моя модель из рекламы мужских трусов с торчащими от нервных рук волосами на голове штудирует интернет.

– Я нашёл Ольгу, – заявляет.

– Она умерла?

– Нет, она родила. На последних фотографиях мальчик около трёх лет. И это... уже второй ребёнок.

– Ну вот и замечательно! – тут же вспыхиваю я. – Значит, у меня есть все шансы!

На следующий день – суббота, я звоню в хоспис и предупреждаю, что работать пока не буду. Мы с Лео едем в хранилища, где у меня до сих пор лежат старые вещи из таунхауса и... сундуки с сокровищами.

Лео вытягивает из ячейки пластиковый короб, я открываю крышку, чтобы показать ему, что в нём, и когда он видит аккуратно, по-психопатски тщательно уложенные вещи для новорожденных, некоторое время стоит, остолбенев, потом зажимает рукой рот и отворачивается. Я закрываю крышку.

– Там ещё два таких есть. Можешь достать?

Лео отвечает не сразу, через пару секунд.

– Да, конечно.

Когда поворачивается, глаза опять красные. Господи, думаю, когда-нибудь я точно доведу его. Вынимает оба короба, сам открывает каждый, смотрит, что внутри то же мракобесие, как и в первом, закрывает и, стиснув губы и брови, прижимает моё лицо к своей груди. Мы везём домой все три короба разом: два в салоне, один в багажнике. После этого он больше не пилит меня своими страхами – боится молча.

Глава 2. Ещё три года спустя

Coldplay – EverydayLife

Карла

Он стоит у стекла, сосредоточенно набирает сообщение и глазами по толпе не шарит, как делают здесь все другие встречающие. Он однажды всё сказал мне словами, но гораздо больше ранят такие мелочи, как эта. Не так ли?

Кто я ему? Воспоминание. Кто ему Кимберли? Ребёнок, которого он видит раз в год на Рождество. Ребёнок, которого он всеми силами старается любить, хотя не обязан. А когда родился свой, его фото с новорожденным на руках задали ещё большее ускорение его карьере. Никакой логики у публики. Казалось бы, мужчина открыто демонстрирует канаты, привязавшие его к одной женщине, а популярность только растёт.

– Папуляя! – вопит Ким на весь аэропорт, едва завидев его.

Он слышит, отрывается от телефона и сразу распахивает объятия:

– Привет, пчёлка!

Лео обнимает её и поднимает на руки.

– Папа, мне подарили в самолёте! – Ким трясёт красным мешком перед его носом. – Там книжка с ребусами, карандаши и наушники! Красненькие! Как ты любишь! Хочешь я тебе подарю? А мама сказала, что подарки дарят только самым красивым девочкам!

– И умным, – кивает он. – Но маме виднее. Привет, мама!

– Привет.

Клюнул в щёку. А воздух вокруг нас приобретает осязаемую плотность от его напряжения. Он против был. Против моего приезда. Я это предвидела, и мудрости хватило попросить о гостеприимстве её, а не его. А она... добрая. Я была уверена, что не откажет, особенно если знать, на какие кнопки давить. Но не пришлось делать даже этого: её ответ был незамедлительным «да».

Мы с Ким проживём в их доме Рождество. А это вместе с Сочельником и некоторыми планами почти две недели. Иначе, не было смысла и ехать – так мы с ней объяснили ситуацию ЕМУ.

– Как долетели? – спрашивает. Вернее, с трудом выдавливает из себя. Для галочки.

– Папуля! Ты купил мне подарки?

– Конечно, – кивает.

– У меня тоже есть подарки! Они там в чемодане у мамочки! И для Леи, и для Мелитинки, и для тебя!

– А для Котейки? Ты забыла? С нами теперь ещё Котейка живёт.

Ким широко распахивает глаза.

– Мамуля! Мы забыли про Котейку!

Он показывал Ким их новое приобретение по Зуму. И моя пятилетняя дочь совсем впала в экстаз.

– Нет, не забыли. И для Котейки тоже есть подарок, – подмигиваю ей.

– Какой?

– Маленькая мышка и палочка с перьями.

Ким довольно трётся о его шею. Он нужен ей. Он нужен ей даже больше, чем мне. Ей позволено звонить ему всякий раз, как она захочет. Ей, а не мне. А она ревнует его, как и я, к девочке, которая вечно висит на его шее. Мелитина. Когда-то это имя почти довело меня до суицида, но пришлось взять себя в руки ради Ким. Не то чтобы я сомневалась в том, что они станут для неё лучшей семьёй, чем я, просто пришлось заставить себя верить в своё будущее. Оно у меня есть. И поэтому сегодня я здесь.

– Утром выпал снег. По прогнозу обещали, что не растает до Рождества. Для Ванкувера это лучший Рождественский подарок.

– А мы на гору поедem на санках кататься? Папуля? Папулечка!

– Поедем, – обещает, посмеиваясь. – Если мама разрешит.

– Мамуля, ты же разрешишь?

От нетерпения Ким скачет у него на руках, и я вижу, как он кривится – больно.

– Ким! Успокойся! Не прыгай! Лео, опусти её на ноги! Твоя спина...

– Всё нормально! – рявкает на меня.

– Ну что, поехали? – подгоняю его. Сколько можно стоять на месте?

– Прости. Лея написала, я должен ответить, – опускает Ким на пол. – Мне нужно полминуты, чтобы закончить.

Мы с Ким терпеливо ждём, хоть и устали. Как только он прячет телефон, я всё-таки срываюсь:

– Почему не позвонить? Или просто не подождать, пока увидите? Тем более, что вы же наверняка расстались меньше часа назад.

Вся эта любовь напоказ просто бесит.

– Сообщения остаются, и их можно перечитывать заново, когда нужно или хочется, – спокойно объясняет Лео и вытягивает ручку моего чемодана, берёт Ким за руку. – Моя машина на втором уровне парковки, нам нужно к лифту.

Их дом меньше моего. Намного. И территория вокруг тоже меньше. Раз в пять. Я бы поменялась с ней домами, не задумываясь, но только с условием, что к этому маленькому дому прилагается его хозяин.

Глава 3. Их дом

Снаружи холодно и сыро, а внутри дома очень тепло. Интересный контраст. Никогда бы не подумала, что это может быть настолько приятным. Просто дома, в Калифорнии, никогда не бывает такого пронизывающего до костей холода. По собственной воле я никогда бы не согласилась жить в такой суровой местности... хотя за Лео поехала бы куда угодно. Даже в Арктику. Если бы только он позвал.

– Снимайте обувь, я отряхну на улице, а то Милли носками все эти лужи потом соберёт, – приказывает нам Лео.

Меня передёргивает, но ботинки подаю ему. Ким справилась со своими быстрее и уже скачет по холлу с криком:

– Лея! Лея! Лея!

Её голос раздаётся откуда-то сверху:

– А? Кто там? Это что? Разбойники? Воры? На нас напало войско варваров?

– Да! Да! Да!

– Тише! – говорю дочери. – Будь немного тише!

Его жена спускается со второго этажа и выставляет вперёд руки, моя дочь врезается в неё.

- Ким, осторожно! - снова рывкает Лео. - Лея!

- Да всё нормально, расслабься, - смеётся она.

Я замечаю её живот, и Господи-Боже... Нет-нет-нет! Только не это, пожалуйста, НЕТ! Как это, вообще, возможно?

- А разве ваша ситуация позволяет во-второй раз? - успеваешь из меня выпасть отчаянный вопрос, прежде чем включился самоконтроль.

- Ну, прецеденты в мире были! А мы чем хуже? Да, дорогой? - подмигивает ему.

- Да, любимая.

И хотя он произнёс это согласие с некоторой злостью, моё сердце останавливается. Сейчас самое большее, чего хочется, что жизненно необходимо - сбежать и спрятаться. Но я даю себе время и приказ взять себя в руки. Я приехала сюда не для того, чтобы сдать в первые же секунды. Если есть хоть маленький шанс, я им воспользуюсь. Мне нужен один единственный крохотный шанс.

Вечером мы с Ким наряжаем их ёлку. Милли крутится под ногами. Как только Лео садится на диван у окна, Ким бросается к нему на колени, и Мелитина начинает плакать. Это ревность, детка, думаю я. Ты девочка - привыкай к ней. Придёт время, научишься сдерживаться, прятать, улыбаться, даже когда всё кровоточит внутри.

Лео, конечно, мгновенно подскакивает - это же его родной ребёнок. За родного ему по-настоящему больно, а для Ким... у него только порядочность и здравый смысл. Он заставляет себя её любить. И у него плохо это получается.

Они обе сидят у него на коленях: одна на правой, другая на левой. Он долго увещевает их и убеждает, как сильно обеих любит, но Ким исподтишка пинает Милли ногой. Я ничего не говорю. Если бы он посадил на одно колено меня, а на

другое Лею, я бы тоже её пинала.

После ужина Лео отправляет жену и дочь наверх отдыхать, убирает со стола, загружает посудомойку. Я ему помогаю, хотя он раз тридцать повторил, что справится сам.

- Мелитина за весь вечер не произнесла ни слова, - замечаю ему, собирая со стола неиспользованные салфетки.

- Она не любит говорить.

- Или не может?

- Может. Она говорила, просто ты не слышала.

- Что она сказала?

- Шамина и шапотик.

- Что это значит?

- Машина и самолётик.

- В два с половиной года?!

- Все дети разные. Мелитина никуда не спешит.

- Лео, Лея ведь постоянно принимает лекарства? Даже во время беременности?

Он накрывает миску с остатками курицы пластиковой крышкой, щурится, когда она щёлкает, встав на место.

- Да. Иммунодепрессанты, - отвечает мне и открывает дверцу холодильника.

Нырять в него так, словно хочет от меня спрятаться. Долго наводит там порядок, передвигая контейнеры с места на место.

- Вам стоит показать ребёнка специалисту.

- Зачем?

- Лео, боюсь у неё налицо многие признаки аутизма. Чем раньше вы начнёте коррекцию, тем выше её шансы не отличаться от остальных.

- Во-первых, у меня нет желания делать её похожей на остальных, – он со звоном бросает вилки в пластиковую ячейку посудомоечной машины. – А во-вторых, моя дочь совершенно здорова. У неё нет аутизма.

- Ты не врач.

- Ты тоже.

- Я специалист с дипломом.

- Без практики.

- С глубокой теоретической базой и стажировкой. Я опираюсь на знания. Ты на что? Поясни, откуда такая уверенность?

- Я её отец. Я так чувствую.

- Она не смотрит в глаза!

- Мне смотрит. У неё самые умные глаза, какие я видел.

- Умнее, чем у Ким?

- Умнее, чем у меня и тебя, вместе взятых.

- Лео... – поднимаюсь и подхожу к нему.

Он знает, что я права, и ему больно от моей правды. А когда больно, ему нужны объятия. Я знаю его гораздо лучше, чем ему хотелось бы. И обнимаю. Наконец-то прижимаюсь к его груди. Вдыхаю запах его туалетной воды, кожи, волос и едва стою на ногах. На несколько мгновений утихают все бури внутри, возникает состояние невесомости, словно всё, что отвечает за плохие чувства и ощущения, отключилось. Осталось только хорошее: любовь, влечение, эйфория от его близости, просто от возможности к нему прикоснуться. В этот момент сложно отказать себе в поцелуе, и я прижимаюсь губами к его футболке. Там, за ней, так гулко и часто бьётся его сердце. И закрываю глаза от удовольствия, слушаю его, и больше ничего не хочу. Не желаю открывать их снова.

Он, конечно, с полминуты ждёт, потом мягко меня от себя отодвигает и уходит вверх. Стол до конца не очищен от посуды и крошек, и мне приходится заканчивать самой.

Глава 4. В нашем прошлом

Лео не хотел, чтобы я приезжала. И та категоричность, с которой он отстаивал своё желание провести каникулы только с семьёй, натолкнули на мысль, что у него всё ещё есть сомнения. Он боится себя. Однажды ведь не выдержал – сорвался. У нас всё было. Любые тлеющие угли можно раздуть в пожар, так ведь? Даже если до этого по глупости вылил на них ведро воды.

Мне легко понять, почему он не любит меня, хотя до сих пор до конца в это не верю. Что-то ведь всегда остаётся. И в жизни часто так бывает, что это «что-то», если когда-то оно было таким сильным, как у нас, снова вспыхивает.

Чего я не могу понять, так это того, почему он любит её? И любит ли на самом деле? Гораздо реальнее версия, что он живёт с ней из благодарности за всё, что она когда-то для него сделала. Должна была я, а сделала она. Но фокус в том, что жизнь – странная штука, и не всегда поступки – повод для чувств. Бывает, мы их не ценим, не замечаем, пока она не ткнёт носом в своё же дерьмо, как было у меня.

Поступки поступками, но я не представляю, как он, бедный, с ней спит. Она ведь... круглая. И не только из-за беременности. После операции она долго

принимала стероиды, и те что-то сдвинули в её обмене веществ – она очень сильно поправилась. Позже её вес немного снизился, но уже никогда не стал прежним.

Я теперь тоже стыжусь своего тела – мне достался неудобный тип кожи, когда живот после родов остаётся немного сдутым воздушным шариком. Он сморщен, как старое яблоко, вокруг пупка. Каждый раз, когда смотрю на себя в зеркало в ванной, думаю о том, как расстроится Лео, увидев его. Раньше ему очень нравился мой живот, он любил гладить его и целовать не меньше, чем зарываться лицом в мои волосы. Если б только моя кожа была растянута его ребёнком... и моё отношение к своему телу было бы другим. Я была бы ему благодарна за то, что оно вырастило и выносило в себе дитя для любимого мужчины.

Я занимаюсь спортом, делаю всё что в моих силах на случай, если ему вдруг захочется прикоснуться. А Лея просто живёт. Она совсем не заботится о том, что видят его глаза, чувствуют его руки. Она сказала, что ей теперь нельзя ставить эксперименты над весом и питанием, запрещены серьёзные физические нагрузки. Даже рожать она не может сама. Я понимаю её, но и его мне жаль: каким бы хорошим человеком она ни была, она толстая и вся в шрамах. Непривлекательная, как женщина.

А ты насильно себя к ней привязал, Лео.

Когда мы были вместе в последний раз, мой живот всё ещё был плоским и ровным. Сексуальным. Мы занимались любовью. Да, даже с поломанной ногой, оказывается, можно, если так сильно хочется, как мне тогда хотелось. Казалось, если не почувствую твои руки на себе, тебя внутри себя – умру. Тогда – в момент своего краха, уязвимости, когда боль в душе была несравнима с болью в сломанной кости – я любила тебя так сильно, как никогда.

Я попросила тебя больше никогда меня не оставлять. Даже если потребую, считать полной, круглой дурой и игнорировать.

– Я тупая – ничего не смыслю в хороших парнях и чувствах, – сказала я тебе.

Ещё просила прощения, много раз. Шёпотом и голосом. Даже пела тебе. Просила любить меня сердцем и физически. Я первая обняла, первая поцеловала, первая

расстегнула твои джинсы, помня, что женат, и поэтому безумно, болезненно ревнуя, но и зная, что не оттолкнёшь, не откажешь, потому что любишь. Ты всегда был моим, чтобы ни случилось. Твоё чувство ко мне всегда было таким упорным и непотопляемым, что я смело ставила над ним эксперименты. Мне тогда казалось, оно будет вечным, а сама я «слишком» для тебя.

В нашем прошлом в постели я смеялась над тобой. Да, стыдно, да, теперь адски больно самой, но это было. Дура, с промытыми мозгами. Слушала и внимала не там, и не тем. А ты был очень нежным в сексе, ласковым, медлительным, потому что твоя медлительность нужна была моему телу, и ты знал об этом. Но не я.

Что, если сейчас я признаюсь тебе вслух, Лео, что все мои оргазмы остались в прошлом? В юности, где у меня был ты? Что ни с одним парнем после тебя мне не было хорошо в постели? Сладко, как с тобой? Рассмеёшься ли ты мне в лицо? Вспомнишь ли, как требовала от тебя жёсткости и доминантности, как называла размазнёй и ты, разозлившись, хлопал дверью и уезжал на месяцы? А возвращался всегда другим. И ты трахал меня, как я и просила, долго, и наматывая на руку мои волосы, и у меня всё горело внутри, но не от страсти, а от трения и пота, который лился с нас ручьями. И я снова корила тебя, упрекала, что не умеешь, что не дано тебе быть любовником, и ты снова уезжал. Но всегда возвращался ко мне. Всегда.

Я говорила тебе страшные вещи. Я требовала от тебя много всего, и не задумывалась о том, как сильно обижаю. И знаешь, теперь и я поняла, что секс – не скачки на ипподроме. Не важны в нём позы, и как долго мужчина способен держать темп. Всё, что в нём особенно важно, оказывается, у меня было. У нас с тобой было.

В наш последний раз ты снова был нежным и осторожным, как в юности. Мне впервые за годы было хорошо, до конца хорошо. И хотя на тебе был презерватив, я почему-то верила, что не мог мой ребёнок быть зачатым в случайном сексе в вонючем туалете клуба, а только в такой сладости, которая была у меня с тобой. Я целовала твой подбородок и твою шею в первые секунды после. И я просила тебя остаться со мной. Ты ответил, что останешься, но только на пару дней – больше не можешь. Ты не смотрел на меня. Мне было горько. Я рыдала, а ты спросил, что ещё можешь для меня сделать? И я захотела горячего молока. Пока ты искал его на кухне и грел в микроволновке, я пережила пик боли и решила, что и два дня – это, на самом деле, много. По крайней мере, достаточно, чтобы твои планы на мой счёт могли измениться.

Когда у изголовья кровати заверещал твой телефон, ты спросил из кухни, кто звонит.

– Номер неизвестный, мошенники, наверное. Поднять?

Ты ответил:

– Как хочешь.

Я не подняла. Он зазвонил снова, и я вдруг испугалась. Я испугалась, что и двух дней может не стать. Выключила его совсем. Ты заметил это не сразу, разозлился и спросил, зачем я это сделала. Накричал. Мне стало ещё больнее, и я ответила тебе, что не хотела, чтобы что-то помешало нашему второму медовому шансу. Тебя как будто передёрнуло – не физически, а где-то внутри. Ты челюсти сжал так, что скулы выпятились, и даже посерел весь.

– Какому медовому шансу, Карла? Я женат, ты забыла? То, что сейчас произошло...

Я опять зарыдала, но ты больше не обнял. Молчал и снова не смотрел на меня. Мне хотелось спросить: «Насколько у тебя к ней серьёзно?», но не посмела. Внутри всё тянуло, было страшно получить не тот ответ. А ты был подавлен все те дни, хоть и старался это скрыть, и больше не соглашался на секс. И ты уехал, как и планировал. Вернулся к ней, правда, напоследок сказал, что я всегда буду оставаться близким и потому дорогим для тебя человеком.

Глава 5. Closure

Когда Лео входит в кухню, у меня мурашки – он словно услышал эту обращённую к нему тираду-речь и спустился. Его тянет ко мне даже на таком мистическом уровне.

Уже поздно, я думала они давно спят – посижу на кухне с чашкой горячей воды, приведу мысли в порядок, утихомирю чувства. Меня рвёт на части от ощущения,

что что-то ускользает, просачивается, как песок сквозь пальцы.

На Лео пижамные штаны, опущенные так низко, что, кажется, вот-вот будут видны лобковые волосы. Он тотчас их поправляет, как только замечается меня. Но торс его всё равно остаётся голым, и я впервые вижу его шрам – клин. Зрелище не для слабонервных... у меня наворачиваются слёзы, и собственные причитания по поводу растяжек на животе теперь кажутся смешными. У Лео распорот и заново сшит бок, словно он мешок с зерном, который случайно за что-нибудь зацепился. След не грубый и не страшный – он как-то говорил, что агентство оплатило ему коррекцию шрамов, но она практически ничего не дала. Самые существенные гонорары у него, как у модели, бывают за обнажённую съёмку, но из-за шрамов ему доступна в основном работа только в одежде. Но и она долго не продлится. Лея сказала, что это хорошо – он ненавидит эту работу. Ему плохо, когда его снимают и публикуют. Она считает, он теряет из-за этого энергию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mal-ceva_viktoriya/severnoe-siyanie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)